

УДК 316

Фокина Елена Сергеевна

кандидат социологических наук,
кафедра социальной работы и психологии,
Тихоокеанский государственный университет
golden_lena@mail.ru

Elena S. Fokina

Candidate of social Sciences,
Department of social work and psychology,
Pacific state University
golden_lena@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И СПОСОБЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

SOCIAL MECHANISMS AND WAYS OF MANAGEMENT INFLUENCE ON SOCIETY IN THE CONDITIONS OF MILITARY ACTIONS

Аннотация. В современной жизни общества и государства, включая Вооруженные Силы, наблюдается существенное противоречие между реагированием на происходящие реалии и неадекватными действиями части руководящих кадров, которых отличает устаревший стиль мышления и действия, ничего общего не имеющий со становлением армии нового типа. В статье анализируются возможные реакции общественности на те или иные управленческие действия со стороны государства относительно военной политики. Автор показывает, какие механизмы государственного управления наиболее приемлемы для эффективного воздействия на общество и достижения нужного эффекта.

Ключевые слова: потребности, ценности, установки, убеждение, патриотизм, информационное пространство, управленческие решения.

Annotation. In the modern life of society and the state, including the Armed Forces, there is a significant contradiction between the response to the current realities and the inadequate actions of some of the leading cadres, who are distinguished by an outdated style of thinking and action that has nothing to do with the formation of a new type of army. The article analyzes the possible reactions of the public to certain administrative actions on the part of the state regarding military policy. The author shows what mechanisms of public administration are most appropriate for effective impact on society and achieving the desired effect.

Key words: needs, values, attitudes, belief, patriotism, information space, management decisions.

В произведении «К вечному миру» И. Кант утверждал, что республиканская форма правления является наиболее мирной, потому что исполнительная власть несет ответственность перед обществом, которое несет расходы, связанные с

войной. Подобная логика оказалась очень привлекательной и убедительной, однако за ней скрывается большое количество допущений и возможных механизмов, ставящих под сомнение ее объективность [1]. Одним из менее понятных аспектов этой логической цепочки является то, как именно кадровая политика влияет на восприятие государственных расходов и общественную поддержку военных операций. Довольно широко распространено убеждение, что призыв на военную службу снизит общественную поддержку военных операций, повысив общественное мнение о затратах. Призыв является механизмом, с помощью которого государство распределяет бремя военной службы, как на большую, так и на более узкую или репрезентативную часть населения. По мере увеличения риска для среднего жителя общественная поддержка военных операций должна снизиться, а исполнительная власть должна быть более осторожной в применении силы. Ожидание того, что призыв на военную службу должен снизить поддержку военных операций, основано на нескольких механизмах, многие из которых могут работать вместе [2].

Во-первых, ожидается, что призыв на военную службу увеличит потенциальную стоимость военной службы и риск для большего числа людей, что вызовет у большего числа людей опасения, что они могут быть затронуты лично.

Во-вторых, это могло бы охватить более репрезентативную часть населения, в результате чего, демографические группы, которые обычно избегают военной службы, опасаются прямого воздействия. Это часто рассматривается с точки зрения подвергания риску детей богатых и политически влиятельных людей. Однако этот механизм мог работать в обоих направлениях, в зависимости от относительной репрезентативности призыва и добровольности. Если бы призыв *«переложил бремя с бедных и политически бесправных на богатых и могущественных»*, это дало бы богатым и влиятельным корыстную мотивацию уменьшить поддержку операции, но могло бы дать остальной части общества причину увеличить свою поддержку. С другой стороны, призыв *«переместим бремя с относительно репрезентативной группы на бедных и политически бесправных»* будет иметь противоположный эффект.

В-третьих, использование воинской повинности может сигнализировать о более крупном и серьезном конфликте, что подразумевает вероятность более высоких совокупных издержек для страны, как с точки зрения человеческих жизней, так и с точки зрения финансов. Это может быть либо потому, что призыв на военную службу сигнализирует о том, что конфликт будет более масштабным, чем в противном случае, либо потому, что люди ожидают, что призывные вооруженные силы будут менее эффективны и понесут больше потерь. Еще одним способом, которым можно повлиять на поддержку, является влияние на ожидания общественности, что страна преуспеет в достижении своих военных целей, хотя этот механизм более рискованный.

В-четвертых, призыв на военную службу может сигнализировать людям о том, что конфликт менее легитимен или экзистенциален – когда возникает реальная военная чрезвычайная ситуация, люди будут добровольно идти на военную службу.

Есть два других возможных механизма, которые обычно не упоминаются, но зачастую подразумеваются в реализации государственной политики [3]:

Во-первых, это возможность того, что общество рассматривает призыв на военную службу как незаконную форму государственного вмешательства и возражает против него, независимо от затрат. В этом ключе, воинская повинность абсолютно противоречит принципам личной свободы, которые всегда считались частью демократии.

Во-вторых, вероятность того, что люди считают призыв на военную службу дорогостоящим, не говорит еще о вероятности жертв или личного ущерба, потому что они считают призыв значительным отклонением от нормы гражданского общества.

Почти во всех этих ожиданиях имплицитно подразумевается, что призыв обязательно подразумевает наличие более крупных и представительных вооруженных сил, чем волонтаризм. Предположение о том, что призыв означает увеличение численности Вооруженных сил, понятно, учитывая, что призыв всегда был политикой пополнения живой силы. Однако предположение о том, что воинская повинность всегда более справедлива, чем волонтаризм, в меньшей степени подтверждается и более тесно связано с другой формой воинской повинности: институционализированной воинской повинностью в мирное время.

Государства с постоянной институциональной воинской повинностью – это те, в которых люди из определенного круга лиц, имеющих право на военную службу, отбираются на регулярной основе, независимо от того, тратят ли они свое время просто на обучение или на реальную службу, и независимо от фактического коэффициента участия. Государства, с так называемым, волонтаризмом почти всегда сохраняют возможность призыва людей на военную службу, если правительство признает это необходимым. Таким образом, все институционализированные системы призыва также включают профессионалов-добровольцев и просто добровольцев без опыта. Имеет особое значение, какие системы требуют активной мобилизации населения для военной операции, а какие нет. Это больше зависит от базового размера вооруженных сил, а не от того, является ли метод набора персонала по умолчанию призывом или нет [4].

Важнейшей проблемой является то, как кадровая система влияет на поддержку в разное время. В литературе по общественной поддержке военных операций, как правило, смешиваются вопросы предполагаемой поддержки: поддержки во время боевых действия и поддержки после завершения действия. Но поддержка в эти разные периоды времени, вызвана разными причинами и имеет разные последствия. Подобная поддержка зависит от убеждений в легитимности военной операции, ожиданий в отношении затрат (личных и совокупных) и от того имеется ли консенсус или диссенсус политических элит. Поддержка во время действия, которая, скорее всего, повлияет на продолжительность милитаризованного межгосударственного спора, подвержена кратковременному эффекту, хотя она может ослабевать при более высокой поляризации, новостях о жертвах, новости о военных событиях на местах, реплики оппозиции и изменения в консенсусе/ несогласии политической элиты (хотя, опять же, этот эффект может ослабевать по мере усиления поляризации).

Что не имеет большого значения, так это фактические цифры потерь, поскольку они интерпретируются через пристрастную призму и опосредованы убеждениями в легитимности миссии и ожидаемом успехе. Поддержка военной операции постфактум, повлияет на то, будет ли лидер привлечен к ответственности или нет, и почти полностью зависит от того, было ли действие воспринято общественностью как успешное или нет.

Литература:

1. Аванесов Т.С. *Военная доктрина России и ее сравнительный анализ* / Т.С. Аванесов // М.: *Омега*. – 2021. – С. 237-239.

2. Терещенко И.В. *Психология ведения боевых действия* // *Военный научно-практический вестник*. – 2021. - №39. – С. 150-158.

3. Крикунова А.П. *Критерии отбора на военную службу* / А.П. Крикунова // - Тула.: «Фантом-Пресс». – 2020. – С. 713-719.

4. Тангатаров Б.А. *Проблемы организации процесса управления в органах внутренних дел* // *Евразийский юридический журнал*. 2020. №4 (143). С. 340-342.

Bibliography

1. Avanesov T.S. *Military doctrine of Russia and its comparative analysis* / T.S. Avanesov // М.: *Omega*. - 2021. - S. 237-239.

2. Tereshchenko I.V. *Psychology of warfare* // *Military Scientific and Practical Bulletin*. - 2021. - No. 39. – P. 150-158.

3. Krikunova A.P. *Selection criteria for military service* / A.P. Krikunova // - Tula.: "Phantom-Press". - 2020. - S. 713-719.

4. Tangatarov B.A. *Problems of the organization of the management process in the internal affairs bodies* // *Eurasian Legal Journal*. 2020. No. 4 (143). pp. 340-342.